

А. И. Кириллова ЭВЕНЫ КАМЧАТКИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНОНИМЫ

На Камчатке эвены, не являясь автохтонным камчатским этносом, прочно влились в этническую картину полуострова. Они проживают в этом регионе достаточно компактно, основная масса обитает в Быстринском районе. Здесь расположены два села: Эссо (районный центр) и Анавгай (село с самым большим процентом эвенского населения на Камчатке). Быстринский район, входящий в состав Камчатского края, на сегодняшний день является национальным, хотя это не отражено в его названии, его этническим большинством являются эвены, в августе 2010 г. их насчитывалось 1 234 человека. Помимо Быстринского района эвены обитают в населенных пунктах Корякского округа, но там не являются этническим большинством, постепенно ассимилируясь с местным населением.

По общей типологии эвены – это представители одного из коренных малочисленных народов Севера (далее КМНС). Этот термин, по мнению В. П. Серкина, доктора психологических наук Северо-Магаданского университета, имеет значение, связанное в большей мере с психологической установкой, чем с ареалом их проживания. В своей работе «Проблемы системы образования коренных малочисленных народов Северо-Востока России в 2008 г.» ученый дает следующее определение: «КМНС мы называем народы, проживающие на территории Севера России, традиционно занятые охотой, рыболовством, собирательством, оленеводством и (или) морским зверобойным промыслом, художественными народными промыслами, численность которых на сегодня по всей территории России не превышает 40 тысяч человек» (13, с. 4). Как отмечает В. П. Серкин, сегодня традиционными видами деятельности занимается 25–45 % трудоспособного населения, а также наблюдается тенденция к возвращению к традиционным видам деятельности, в том числе к кочевому оленеводству. Все больше представителей КМНС уходят из «благоустроенных» сел ввиду отсутствия там возможностей заработать на жизнь, а также – погашать коммунальные платежи. Появляются кочевья или сезонные поселения, где люди живут так, как жили их предки тысячами. Ярким примером таких поселений служат так называемые «рыбалки» у эвенов Быстринского района, расположенные на реках Маныч, Шануч и др.

На рубеже XIX–XX вв. тунгусские народы, в том числе эвенов, изучал С. К. Патканов, трудившийся в Санкт-Петербургской Академии наук в 1886–1917 гг., составивший на основании данных переписи 1897 г. комплексный труд «Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири» (11). Его исследования были направлены на классификацию тунгусских племен. Долгое время эвенов рассматривали как группу эвенков. Именно Патканов предложил ввести в научный оборот этноним «эвены», он же в своем труде провел разграничение между эвенами и эвенками на основе анализа их материальной и духовной культуры (11, 12). М. Г. Левин и И. С. Гурвич определяли эвенов следующим образом: «по своему происхождению, языку и культуре близки к эвенкам. Они расселены севернее эвенков и соседят на севере и северо-востоке с юкагирами, коряками и чукчами» (10, с. 760). Согласно официальным определениям, которые современные российские ученые дают в словарях-справочниках, эвены – это родственный эвенкам народ; они расселены группами на территории Магаданской области, Республики Саха (Якутия), Камчатского и Хабаровского краев (1, с. 398–400). По данным энциклопедии «Британика», эвены – «это северо-сибирский этнос, близкородственный эвенкам. Территория расселения к северу и северо-востоку от Эвенкийского автономного округа, где они оказали влияние, и сами, в свою очередь, подверглись влиянию соседей. Эвены, поселившиеся на Камчатке, оказались под сильным влиянием чукчей...» (14).

У данного этноса множество этнонимов, которые имеют разное происхождение и активно использовались в различные исторические периоды. Этот этнос известен под следующими наименованиями: эвены, ламуты, орочи, ороконы, тунгусы. По выводам известного этнографа У. Поповой, сделанным на основании заключений ученых-филологов, термины «тунгус» и «ламут» никогда не были и не являются самоназванием эвенской народности. На сегодняшний день общеупотребительным названием является «эвены». Этнонимы, которыми именуют данный этнос, и его самоназвания тесно связаны с его происхождением и историей расселения.

О происхождении эвенов долгое время велись споры между учеными. По мнению известного исследователя эвенского этноса А. В. Кривошапкина, эвены – представители одного из древнейших народов мира. Как отмечает ученый, у эвенов, как и у других народов Севера, не было письменности, поэтому письменных памятников, повествующих о древней истории этноса, нет. В своей монографии А. В. Кривошапкин отмечает: «сегодня многие склонны искать родословную эвенов в государстве

Бохай, существовавшим в VII–X веках» (8, с. 3). Данная традиция идет от известного ученого-эвеноведа З. Н. Матвеева, который в 1920-х гг. изучал историю Бохая. Бохай – это государство, которое распространяло «свои владения на юге до Синьла (в Корее) на полуострове Ляодун, на востоке до океана, на западе до земель киданей, на севере владения доходили до Амура...» (8). Основное население Бохая составляли тунгусы. Эвенский язык относят к тунгусо-маньчжурской группе языков. Таким образом, эвены и эвенки – это представители тунгусо-маньчжурских племен. По предположению А. В. Кривошапкина, в тот период эвены и эвенки составляли один этнос. По этой причине в науке долгое время к ним применялся этноним «тунгусы». Еще одним исследователем, который рассматривал теорию о прародине эвенов в Маньчжурии, был Г. А. Спасский. В своем труде «О тунгусах вообще» он пишет: «говоря о всех родах тунгусов, занимавших восточную часть Сибири от Байкала до монгольских хребтов, соединяет их происхождение с маньчжурами. Сие делается вероятным, ежели положение таковое ограничить началом неизвестным или сумнительных времен, от которых размножающиеся люди делились по родам, переменили места или стеснялись, смотря по обстоятельствам, понуждающих их к тому. От чего и при остатках некоторых сходных обрядов, наречий и богослужениях казаться могут одинакового происхождения...» (9, с. 372). В то же время исследователь считал прародиной эвенов окрестности рр. Амур, Шилка и Аргунь, но после прихода россиян, потеснивших бурятов, они откочевали в юго-восточную часть китайских владений. Отсюда и появилось сходство с обитателями Маньчжурии. В целом, в XVII–XIX вв. в официальных документах и полевых записях исследователи называли эвенов именно тунгусами, что приводило к неточностям при подсчете населения, определении этнической принадлежности определенных групп людей. Этим же этнонимом ученые обозначали родственных эвенов эвенков. По данным И. С. Гурвича, даже в ходе Всесоюзной переписи населения 1926–1927 гг. был допущен ряд неточностей, и в некоторых районах эвены были упомянуты под этнонимом «тунгусы» и отнесены к эвенкам.

Этноним «ламуты» также появился в XVII в., его происхождение ученые объясняют следующим образом: «он восходит к русским актам XVII в., в которых “ламутами”, “ламутками” или “ламуцкими людьми” называются отдельные территориальные группы этой народности, обитавшие по рр. Яне, Индигирке, Колыме и др. из эвенкийского языка, в котором ламу означает “море”, “озеро” и другие крупные водоемы» (10, с. 760). Ученые отмечают, что якуты называли эти группы эвенского этноса ломук, ломут, вероятно, это якутское наименование и было заимствовано русскими. В своей книге «Среди эвенов» М. Антропов приводит еще одну гипотезу происхождения этнонима «ламут»: по сведениям старожилов существует легенда, что предки их переселились на Камчатку и пригнали сюда стада оленей, но олени разбрелись, поэтому людям пришлось бродить по берегу моря и собирать их. Отсюда и пошло название «ламут», что с эвенского переводится как «береговой» (2, с. 4). Этим термином оперируют ученые вплоть до 1930-х гг., иногда в записках и дневниках исследователей этноним «ламут» можно встретить и в 1940-х гг. Кроме того, некоторые жители с. Анавгай и до сих пор говорят: «я – ламут, я – ламутка».

Видный исследователь тунгусов С. К. Патканов предложил заменить этноним «ламуты», охватывавший территорию расселения от Охотского моря до р. Лены, на этноним «эвены» для групп, обитавших в континентальных областях, оставив существовавший ранее лишь для групп, населявших побережья морей и крупных озер. Ученый посчитал такое разделение более правомерным. Этимология слова «эвен» восходит к эвенскому языку и обозначает «здесьшний, местный, живущий здесь». Профессор В. И. Цинниус, специалист по эвенскому языку, считала, что это слово происходит от глагола «эвдэй», что означает «спускаться с гор». Данный этноним являлся одним из самоназваний эвенов.

Существует и другая версия его происхождения. Согласно данным, приводимым в статье «К расселению тунгусских родов Якутии в XVII веке. Тунгусские рода» (6), в XVIII в. Миллер, Фишер и Грегори в качестве самоназвания тунгусских племен использовали слово *owen* (в русском звучании «овен» или «эвен»). Объясняя этот факт, В. А. Туголуков связывал указанный этноним с названием племени увань, упоминавшегося в китайских хрониках VII в. и занимавшегося оленеводством. По данным филологов (Э. М. Шавкунов), в китайском прочтении «увань» читался как «овен» или «эвен». Таким образом, ученые считают, что сам этноним доказывает тот факт, что прародина эвенов – Китай.

Еще одно название, под которым эвены известны в истории и этнографии – это «орочи» или «орочоны». По сведениям, собранным Северной экспедицией в 1956–1964 гг., многие эвены, проживавшие на Охотском побережье и в Быстринском районе Камчатской области, называли себя именно так. В то же время, по сведениям К. С. Черканова, с 1932 г. этноним изменился, и орочей стали называть эвенами, по его мнению, это связано с созданием письменности. Кирык Степанович считает такую смену этнонима странной, ведь в создании букваря на основе русских знаков принимали участие в основном обитатели Камчатки, учившиеся в Институте народов Севера им. Герцена, и лишь один

магаданец (3). Он называет этноним «эвен» магаданским, а «ороч» считает распространенным на Камчатке. «Ороч» (мн. ч. «орочел») с эвенского языка переводится как «оленный человек/оленные люди» («орон» – обозначает «олень» в тунгусской группе языков), что наиболее полно отражает специфику жизни данных групп этноса, указывает на их основное занятие. И до сегодняшнего дня старожилы-эвены зовут себя орочел. Например, в беседе с Э. Кастином, Валентина Афанасьевна Долганская – жительница с. Хаилино (КО. – Авт.), говорит о себе так: «Я эвенка, ороч. Родилась в тридцать первом году...» (7, с. 105).

В своей статье «Заметки об эвенах-быстринцах» К. Г. Кузаков вводит впервые в научную терминологию этноним «эвены-быстринцы», выделяя их в отдельную группу эвенского этноса. На современном этапе для обозначения этноса в целом используется этноним «эвены», а для обозначения отдельных групп добавляется название территории, на которой данная группа проживает, например, «быстринские эвены», «охотские эвены», «березовские эвены» и т. п.

Большое количество этнонимов создает определенные сложности при проведении исторических и этнографических исследований, так как не всегда ясно, о каком этносе идет речь. По данной причине выработка и закрепление одного определенного наименования этноса очень важны.

1. Агеева Р. А. Какого мы роду племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник, М. : Academia, 2000. С. 398–400.

2. Антропов М. Среди ламутов, М. ; Л. : Учпедгиз, 1961. 35 с.

3. Полевые материалы 13–23.03.2005. Архив К. С. Черканова.

4. Вся правда о тунгусах и их истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://merkit.livejournal.com/>

5. Корчагин Ю. В., Шарахматова В. Н. Традиционные знания как культурное наследие коренных народов Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2008. 116 с.

6. Кривошапкин В. А. Эвены. СПб., 1997. 79 с.

7. Монографические источники о народах Сибири XVIII века в фондах рукописей Российской Национальной Библиотеки (публикация материалов) // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 5–6. СПб., 1994. С. 372–398.

8. Народы Сибири. М. ; Л. : Наука, 1956. 1006 с.

9. Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 года и других источников. В 2-х ч. С приложением трех племенных карт. Зап. ИГРО по отделению этнографии. Т. XXXI. Ч. I. [в 2-х вып.]. Т. XXXI. Часть II. СПб. : Тип. СПб. акц. общ. «Слово», 1906. 175 [5], 283 [6], 206 [3] с.

10. Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. В 3-х т. На основании данных специальной разработки материала переписи 1897 года. Т. 1. СПб., 1912. 175 с.

11. Серкин В. П. Проблемы системы образования коренных малочисленных народов Северо-Востока России в 2008 г. Магадан, 2008. 120 с.

12. Even // Encyclopædia Britannica. 2009. Encyclopædia Britannica Online. 12 Nov. 2009. [Режим доступа]: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/197055/Even>

Б. Н. Комиссаров ПО КАМЧАТКЕ МАРШРУТАМИ Г. И. ЛАНГСДОРФА

С 2006 г. о культурно-экологическом проекте «Лангсдорф – XXI век» и в Петропавловске-Камчатском, и в Санкт-Петербурге, и в Рио-де-Жанейро написано довольно много (1–7). Суть его, как известно, сводится к тому, чтобы комплексные международные научные экспедиции прошли по камчатскому, евразийскому и бразильскому маршрутам Г. И. Лангсдорфа, сопоставили материалы его огромного наследия с современными данными и сделали выводы, важные для оценки экологического состояния России и Бразилии, т. е. стран, территории которых составляют около 20 % земной суши, располагают 62 % лесов планеты и основными запасами ее пресных вод.

Первым регионом, который исследовал Лангсдорф, была в 1806–1807 гг. Камчатка, и, следовательно, камчатская экспедиция должна была стать первой, пилотной, явиться своеобразным стартером для всего проекта. Нам представляется, что работы в рамках этой экспедиции должны быть разделены на три этапа: подготовительный, полевой и исследовательско-публикаторский.

На первом этапе следует, прежде всего, сделать доступным для участников экспедиции камчатское наследие Лангсдорфа, имеющееся частично в переводах на русский язык (8), на немецком (9) и